
Даурания Торн
Тринадцать правил
Книга 2
БОЛЬНИЦА
73
ТРИНАДЦАТЬ ПРАВИЛ.
ОДНА ЦЕНА.

Даурания Торн
Тринадцать правил. кн. 2

https://litres.ru/74760849
SelfPub; 2026

Аннотация

Тринадцать историй о том, что обычная жизнь держится на правилах, которых никто не записал.

Панельный дом, ночная смена в больнице, карьер за железной дорогой, гаражный кооператив, блошиный рынок. Всё как у всех: работа, долги, усталость. И только одно не так. Домовому надо поставить блюдце за печь. В квартиру, где пахнет чужим одеколоном, стучат ровно в девять, после заката. В сливе ванны тянется из трубы чужой волос и не кончается. На блошином рынке лежит кольцо, которое нельзя мерить. Кто-то вытряхивает ботинки после кладбища, кто-то нет — и дом начинает хоронить его самого.

Правил никто не объясняет. Нарушивший платит собой, близким или телом, а цену узнаёт уже после согласия.

Тринадцать глав, тринадцать людей, тринадцать правил. Общее одно: механизм работает дальше и уже нашёл следующего.

Дорогие читатели, поддержите автора отзывами и донатами. Каждый ваш отклик даёт автору желание двигаться дальше.

Тринадцать правил. кн. 2

Даурания Торн

Тринадцать правил кн. 2

Три удара

Дмитрий Ковалёв поднимался на второй этаж с сумкой, в которой лежали хлеб, полтора литра молока и упаковка сосисок, и ещё на лестнице услышал, как за левой дверью щёлкнул замок.

Тамара Ильинична всегда выходила на звук его шагов. Он даже думал иногда, что она стоит в прихожей с рукой на задвижке и ждёт, когда в подъезде хлопнет входная дверь, чтобы открыть свою на секунду раньше, чем он поравняется с площадкой.

— Дмитрий, — сказала она, выставив в проём голову с бигудями. — Ты когда ночью возвращаешься, на свою дверь не смотри.

— На какую?

— На свою. — Она поправила очки на цепочке, и цепочка звякнула о пуговицу халата. — Скажу один раз, дальше не буду. После полуночи как постучат три раза, с паузами, ты не открывай и не спрашивай, кто там.

— А если пожар?

— При пожаре стучат кулаком и орут, — сказала она. — А это стучит тихо. — Она помолчала и добавила, глядя не на него, а куда-то мимо, на его дверь: — И если спросишь,

тебе ответят. Только не своим голосом.

— Чем не своим?

— Не своим, — повторила Тамара Ильинична и закрыла дверь.

Дмитрий постоял на площадке, переложил сумку в другую руку. Пакет был тяжёлый, молоко холодило ногу через целлофан.

Соседка была из тех, у кого на всё имелось правило: воду из крана не пить, лифтом не пользоваться, после одиннадцати телевизор не смотреть. Первый месяц он посмеивался, потом привык. Он снимал у неё комнату второй год, платил вовремя, и она платила тем же: не лезла, не стучала, не спрашивала, почему он возвращается так поздно и отчего у него до сих пор нет второго стула.

В коридоре пахло жареной картошкой и старым линолеумом. Три двери, три комнаты. Одна стояла запертой с осени, когда уехал дальнобойщик Володя, и в его замочную скважину Тамара Ильинична вставила спичку, чтобы никто не решил, что комната пустует.

Дмитрий открыл свою, включил свет.

Кровать, шкаф, стол у окна. На подоконнике зарядка для телефона и пепельница, которой он не пользовался, потому что бросил курить в феврале. На стене над кроватью висел календарь за прошлый год, и он всё собирался его снять, но каждый раз забывал: подходил, смотрел на цифры, и что-то в голове переключалось, и он уходил на кухню.

Он поставил чайник, нарезал хлеб, выложил сосиски на сковородку.

Пока они шипели, набрал дочь.

Варя ответила сразу, как будто держала телефон в руках. На ней была пижама с котами, на лбу блестела полоска от подушки.

— Пап, ты знаешь, у нас в классе есть Максим, он на физре сломал палец.

— Сильно?

— Не очень. Ему гипс на два пальца наложили, — Варя показала два пальца и приложила их ко лбу. — А ты когда приедешь?

— В субботу. — Дмитрий перевернул сосиски. — Утром выеду, к обеду буду.

— Точно?

— Точно.

Она помолчала, и в трубке стало слышно, как у них на кухне капает вода из крана. Потом спросила:

— Пап, а у тебя там кто?

— Где?

— У тебя. — Она смотрела не в камеру, а чуть вбок, на что-то за телефоном. — Я слышу, как у тебя кто-то дышит.

Дмитрий посмотрел на сковородку. Сосиски шипели, брызгали, и он снял их с огня.

— Это я дышу, — сказал он. — Я на кухне.

— Ага, — сказала Варя.

За её спиной появилась Ирина, в халате, с полотенцем на голове. Она ничего не сказала, только посмотрела в камеру, и Дмитрий понял, что в субботу ему напомнят про деньги на секцию. Он кивнул, хотя кивать было некому. Разговор шёл ещё минуты три: про Максима, про то, что в школе опять поменяли расписание, про кота, который свалил цветок. Потом Варя зевнула, Ирина забрала телефон, и в трубке стало тихо.

Он поел стоя, вымыл сковородку в общей ванной, где на полке над раковиной лежало семь кусков мыла, и лёг.

За окном гудел проспект. Изредка троллейбус трогался с остановки, и в его вздохе, металлическом, тяжёлом, было что-то, отчего Дмитрий каждый раз приподнимал голову и смотрел на дверь.

Он не мог бы сказать, что именно слушает. Просто за два года привык, что под этот звук в доме кто-то засыпает.

Стукнуло ровно в двенадцать.

Он даже не сразу понял, что это стук. Звук был глухой, тяжёлый, короткий, как будто в дверь ударили мешком с мукой. Дмитрий приподнялся на локте. Щель под дверью светилась желтым от коридорной лампочки.

Пауза.

Ещё три удара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.